

На песенной волне Александра Ширияевца

© Л. А. СОМОВА,

кандидат филологических наук

Лирика новокрестьянского поэта А. Ширияевца (1887–1924) отражает народное многоголосье Волжского края. Рожденный весной, поэт воспевает апрель:

Он – цветотень. Мой крёстный!
Он в песни влил вина,
И, окунувши в вёсны,
Дал перстень певуна.
Он, знаю, с Волгой вместе
Наладил струны мне...
...Все к ней плыву, к невесте,
На песенной волне...

“Песенная волна” стала доминантой его поэтической речи, продолжающей кольцо традиции. Его голос, как определил Сергей Есенин, вполне вписался в круг поэтов “крестьянской купницы”, таких, как Семен Фомин, Петр Орешин, Павел Дружинин.

Одному из современников А. Ширияевец запомнился “скупоречивым, широкоплечим увальнем, парнем в картузе и огромных яловых сапогах” [1].

“Скупоречивый” в жизни, в лирике поэт разворачивает многоголосую речевую картину мира.

В стихотворную ткань книг “Алые маки” (1917), “Раздолье” (1924) вплетены песни, сказы, заговоры, клики атамана, женский плач, призывы, приветствия, думы. Именно речевой жанр часто задает композиционный стержень стихотворения.

Мотивы плача слышны в стихотворении “После побоища. Васнецовское”:

Спите с миром! Отважно вы сгибли!
 Кудри-шелк ветер тронул слегка...
 Сына мать не дожидается в Путивле,
 Молодица – милого дружка... [2]

В стихотворении “Земле” звучит мотив заговора:

Мать-Земле
 Поклонюсь,
 Мать-Земле
 Помолюсь:
 Пропитай!
 Разум дай!

Композицию стихотворения “Верю в зарево сплошное” организуют *призывы*:

Нету пушек – при с дубиною
 Через дебри, через пни!
 Силу вражью, зменную
 Разгони!

Это обращения к силе русской, к “заспанной” Руси: “При, чумазая, таежная, / Напролом!”, “Ничего! В последний бой!”, “Или двинуть силу дикую – / На ура!”. Последние слова каждой строфы словно скандируются.

В лирике А. Ширяевца часто трудно установить границу между автором и лирическим героем, они как бы сливаются в единое целое, как это происходит в призыве в стихотворении “Ермак”, последней строке песни “Женская”. Две редакции стихотворения “Стенька Разин” (1917 и 1928) по-разному оформлены графически: одни и те же строки то выделяются как реплики, то нет. По сути, автор вписывает свой голос в народный хор, погружается в мифологию, в глубины фольклорного сознания. В сборнике “Алые маки” 1917 года как реплики оформлены третья строфа и пятая. Вариант 1928 года в сборнике “Волжские песни” интересен одновременным “закавычиванием” речи Стеньки Разина, в то время как народное многоголосье оформлено при помощи тире:

И гудит ватага Стеньки
 Все грознее и звончей,
 Пересчитаны ступеньки
 Лбами царских палачей...

– “Нажимай сильнее, братцы!
 Айда, соколы! Вперед!
 Где царили тунеядцы,
 Будет править сам народ!”

Вьется стяг багряно-красен,
Близок, близок светлый час...
– Нет, не умер Стенька Разин,
Дух свободы не угас! (Курсив здесь и далее наш. – Л.С.)

Лирический диалог – это не только свойство сознания лирического “я”, он выражен структурно. Большинство стихотворений поэта графически построено как диалог.

В одном из своих писем (от 21 января 1915 года) С. Есенин говорит о своих стихотворениях, обращаясь к А. Ширяевцу: “Они тоже близки Вашего духа”, а в другом (от 24 июня 1917 года) добавляет, что и его душу волнуют “в Жигулях песня да костер Стеньки Разина”. Голоса Волжской вольницы постоянно врываются в речевую стихию А. Ширяевца.

Поэт включает в круг “речевых слов” [3] глаголы, существительные, обозначающие речевые действия: *говорить, беседовать, спросить, слушать* и т.п.: “И мать с отцом *беседуют* со мной”. В обращении к чайкам: “Что хотите *спросить* у волны?” (“Чайки”); “Ты *дозналась*”, “*Всё молилась*, ладан жгла”, “И *зовут* плачут”, “*Обещалась* любить”, “*Хвалится* пьяной силой”, “*Кликнул* голь”, “*Шепчет* заклития вещи”, “И *гудит* ватага Стеньки / Все грознее и звончей”, “И *пророчил, пророчил*”.

И звучат в стихотворной речи “надрывная тоска”, “смертный клич”, “громовая весть”, “снежные сказки”, “развеселые прибаутки”, “мудрёная весть”, “бабий рев”, “А какие сказы / Ходят с голытьбой!”.

Природа в творчестве поэта говорит на своем языке: “Соловьи в лесу *скликались*”, “Улетели из бора / Птицы с плачами: *росстань*”, “Лес *уснул шелестя*”.

Народное сознание отражено в песенной речевой стихии. А. Ширяевец подчеркивает, что его поэтическая речь – это тоже песня: “Эти песни я пою”.

Как по-разному можно передать значение слова “петь”: “Песней зарною *зальюсь!*”, “Вместе с Волгой *песни* пел!”, “Про бывалое *поет*”, “Нес он с *песней*”, “Запевала *грустя*”, “Несмеяны *запела* свирель”, “Схоронил я *последнюю* трель”, “Потухает *воскресное* пение”, “Кольцовской *песню* / Заливался я не раз”, “Пусть к родимому Поволжью / Песни *звонкие* летят”, “И мамин *голос* надо мной *звенит*, / Как *золотые* самогуды-гусли”.

Жизненные ценности поэта в полной мере отразились в поэме “Мужикослов”, в которую, как в святцы, вписаны имена Степана Разина, Аввакума, Ивана Великого, Пугачева, Отрепьева. Народное многоголосье – это и “тяти, деды, лапотники, пахотники, чернокопачники-смерды, печальники, кабальники, безвестники”. Именно из всех этих голосов и складывается песнь А. Ширяевца о мире.

Поэмы “Мужикослов” и “Палач” несут в себе свойство сказа – в них установка на воспроизведение речи героя-рассказчика, имитация “живого” разговора, рождающегося как бы сию минуту, в момент его восприятия.

Поэт говорит – молвит народная стихия – и звучит стихотворная молитва через времена, через поколения:

Господи!
Чудотворцы!
Ведь и люди и суглинок *плачут*,
Ведь скоро звезды сорвутся *от смертного клича!*
Помолитесь о русской земле!
Солнце на красной лошади
Жутким скачет *криком*,
Хвалится пьяной силой...
Полевую Русь-горемыку,
Господи,
Помилуй!
Помилуй!

Литература

1. *Фомин Семен*. Ширяевец и Есенин // Красная Нива. 1926. № 22. С. 21.
2. *Ширяевец А.* Избранное. Куйбышев, 1961; Ширяевец А.В. Стихотворения и поэмы. Ставрополь, 1992.
3. *Гак Г.В.* Языковые преобразования. М., 1998. С. 685.